

Василий Храмцов

*Записки
редактора*

Василий Храмцов

**Записки редактора. Наблюдения
в пути от журналиста
до главного редактора**

«Издательские решения»

Храмцов В.

Записки редактора. Наблюдения в пути от журналиста до главного редактора / В. Храмцов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837522-4

Эту книгу написал не профессиональный писатель, а журналист, работавший в нескольких городских и районных газетах. Он вошел в газету как в храм, с самыми восторженными чувствами к профессии и журналистам. Познакомившись с содержанием книги, вы будете наблюдать, как некоторые из «небожителей» теряли в его глазах авторитет. А еще убедитесь в том, что профессия журналиста требует не только литературного мастерства, но и мужества, твердости характера, наличие «стержня», именуемого совестью.

ISBN 978-5-44-837522-4

© Храмцов В.
© Издательские решения

Содержание

Аттестация	6
Рабочие корреспонденты (рабкоры)	8
Пути-дороги корреспондента	11
Первый фельетон Василия	15
По Казахстану	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Записки редактора
Наблюдения в пути от журналиста
до главного редактора**

Василий Храмцов

© Василий Храмцов, 2017

ISBN 978-5-4483-7522-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аттестация

В коллективе редакции ялпугской районной газеты шесть творческих работников. Выходит газета три раза в неделю, так что нагрузка солидная. Коллектив устойчивый, трудолюбивый, грамотный. Все, кроме фотокорреспондента, имеют высшее образование. На кого ни посмотри – готовый редактор! Газета, а это орган райкома партии и районного Совета, в обкоме партии на самом хорошем счету.

Но уже подул ветер перемен. В ЦК КПСС вспомнили о руководящей роли партии средствами массовой информации. Открыли постановление от 1954 года, прочли, а оно не выполнено! Еще «подняли» несколько постановлений о печати – и они не выполнены! Тогда по всему СССР пошел аврал. И началась переаттестация творческих работников.

Члены аттестационной комиссии разместились за редакторским столом, а аттестуемые по одному входили и усаживались на стулья вдоль стены. Редактор, прошедший десятки проверок и собеседований, был спокоен. Он прекрасно знал своих людей. Все заведующие отделами и корреспонденты давно работали по сетевому графику планирования и хорошо справлялись со своими обязанностями. Никаких неожиданностей не предвиделось.

Возглавляла комиссию представитель ЦК Компартии Украины, очень солидная и хорошо подготовленная женщина средних лет. Она видела свою задачу в том, чтобы встряхнуть провинциальные редакции, заставить их взбодриться и улучшить содержание газет до современных требований. А как они это сделают, она и сама не знала. Поэтому беседу с каждым аттестуемым начинала с вопросов о том, что их не устраивает, на что жалуются. А уж потом задавала вопросы по профессии. В этой редакции люди ей нравились. Они разговаривали с ней на профессиональном языке.

В штате редакции также числилась корреспондент местного радиовещания. Дошла очередь и до нее. Это – молодая незамужняя женщина лет тридцати. Фактически Наталья Фрунзе подчинялась редакции областного радиовещания, а в районной газете у нее всего лишь было рабочее место. Там она появлялась редко. Но зарплату получала регулярно. В студии, откуда она вела радиопередачу, у нее тоже стояли стол, стулья, а еще и широкий диван. Тут же находился и оператор связи, который включал и выключал микрофон, обеспечивая трансляцию на все радиоточки района и города. Трансляция велась напрямую, без записи.

Наталья воспитывала дочь – результат неудачного брака. Женщина она была бойкая, общительная, с развитым чувством юмора. Любила подшутить над связистами, постоянно подтрунивала над ними. И, что греха таить, иногда по их инициативе задерживалась в студии «по производственным делам».

Поскольку она часто халтурила, то есть материалы для радиопередач брала из районной и городской газет и почти не бывала в производственных коллективах, из-за чего не раз получала замечания от редактора, то и такой грешок за ней числился. Поэтому, войдя в кабинет редактора, чтобы предстать перед аттестационной комиссией, она очень волновалась! Она ожидала упреков и по поводу «задержек» в студии (шила в мешке не утаишь!), и по поводу использования газетных материалов. Лицо ее было в красных пятнах, руки дрожали. Она присела на самый краешек стула, неотрывно, как завороченная, глядя на председателя комиссии испуганными глазами.

– Чего вы так разволновались? – стала успокаивать ее киевлянка. – Мы просто познакомимся, послушаем, в чем Вы нуждаетесь, может быть Вам нужна какая помощь. Вы замужем? – начала она издали.

– Нет, разведена.

– Дети есть?

– Сын...

Сказала и обалдела! Какой сын? Сама не поняла, что сказала. Она поглядела на редактора, ища в нем спасения. Он подсказал:

– Дочь.

И она поправилась:

– Дочь...

– Двое детей?

– Нет. Только дочь.

Из глаз Натальи брызнули крупные слезы. Тут уж всем стало понятно, до чего перепугалась бедная корреспондентка! Председатель комиссии присела к ней рядом, по-матерински поправила ей волосы, взяла за руки. Минут через пять бедняга совсем успокоилась и сообразила, что на этот раз ее оставят в живых. Она заулыбалась. Ей сказали, что аттестацию она прошла, и отпустили.

Работу редакции комиссия признала удовлетворительной. Даже порекомендовала другим коллективам познакомиться с опытом ее работы.

Рабочие корреспонденты (рабкоры)

Морозы в конце декабря стояли крепчайшие – и 48, и 50 градусов. По технике безопасности полагалось прекращать работы на открытом воздухе. Но если приостановить добычу свинцово-цинковой руды, то прощай тринадцатая зарплата. А это касалось каждого, работавшего на руднике открытых работ.

Буровики трудились в три смены. После ночной, переодевшись и отдохнув, Николай пришел в профком рудника. Там было многолюдно.

– Сегодня человек пришел устраиваться на работу, – возбужденно говорил председатель профкома Кирилл Иванович. – Приехал из Кузбасса. У себя на шахте он был ударником коммунистического труда! Не представляю, как такое возможно: добиться такого высокого звания, а потом уволиться?

– Да, удивительно! – подхватил сменный диспетчер Демьян Иванович, а за ним и другие.

И все стали дружно обсуждать это событие. Многим ударники коммунистического труда представлялись людьми необыкновенными, настоящими героями, художниками в своей профессии. И уж, конечно, – патриотами предприятий, костяком трудового коллектива.

Движение за коммунистическое отношение к труду в начале шестидесятых годов прошлого века набирало силы. Буровики тоже включились в соревнование. Но в бригаде ничего не изменилось. И Николай подумал, что где-то это движение – настоящее, а у них – формальное.

Вечером отправился в редакцию городской газеты. Пришел к началу занятий в школе рабочих корреспондентов. В просторном кабинете собралось более десятка молодых людей. Иван Иванович Проскурин, заместитель редактора, сделал перекличку. Здесь собрались рабкоры из разных предприятий города. Редакция заботилась о том, чтобы освещать в газете проблемы рядовых тружеников.

А диспетчер Демьян Иванович почти каждую неделю публиковал в газете свои материалы. Это был веселый, добродушный человек с высшим образованием. Николай стал чаще заглядывать к нему, чтобы посоветоваться: он взялся выпускать стенгазету. На столе у диспетчера постоянно лежала подшивка журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент». Вот откуда черпал он мудрость! Николай даже выпросил подшивку на дом, чтобы почитать в спокойной обстановке. Демьян Иванович дал ее очень неохотно.

Когда речь заходила о жестоких морозах, диспетчер смеялся.

– А вот когда такой же мороз, за пятьдесят градусов, да с ветром, как на Севере, – тогда действительно опасно.

– А Вы бывали на Севере?

– Почти десять лет. Учился я в горном институте. Перед войной три курса закончил. И обнаружился у меня туберкулёз легких. Питание было слабое, жиров почти не видел. Никаких перспектив на излечение не было. И тогда старый врач мне посоветовал. Возьми, говорит, академический отпуск по случаю заболевания и поезжай на Север. Морозы там лютые, вечная мерзлота. Поэтому нет никаких вредных микробов. Зарплаты там высокие. Будешь питаться жирной олениной и красной рыбой, барсучьим или собачьим жиром. И выздоровеешь. А здесь мы тебя не вылечим.

Так я и сделал, продолжил он, воодушевляясь. Специалистов тогда не хватало. С моими тремя курсами я уже считался большим знатоком горного дела. Взял направление в Якутск. Чтобы добраться туда, нужно было плыть пароходом из Владивостока до Магадана. А там автотранспортом до Якутска и до Конгаласского месторождения бурого угля.

Прибыл я в порт Владивостока как раз вовремя: на следующий день в Магадан отправлялся пароход с грузом для Якутского горнопромышленного треста.

При оформлении документов на пароход встретил я выпускника нашего института, который тоже плыл на этом пароходе. Денег у нас по нашим меркам было много. Пошли мы в ресторан покушать. Первый раз в жизни! Приятель уговорил меня выпить. «Когда ещё нам так повезёт!» – приговаривал он. Кончилось тем, что он меня напоил и еле дотащил до гостиницы. Я же слабый был, больной.

Утром голова болит, меня тошнит. Пришли мы на погрузку. Приятеля взяли на корабль, а меня не берут: мало того, что больной, да еще и пьяный. Сдали меня в комендатуру. Этим и спасли мне жизнь.

– То есть как это? – спросил Николай.

– А так. Пароход зашёл в порт Корсаков на Сахалине, погрузил взрывчатку. Он стоял на рейде, когда взорвался. Весь экипаж и пассажиры погибли.

Меня отправили только через неделю. Как раз началась штормовая погода. Болтало корабль так, что даже опытные моряки были зелёными и валились с ног от морской болезни. А на меня качка не влияла. Я за всеми ухаживал, всех обслуживал. И до того замотался, что уже соображать перестал: где я, кто я? Меня матрос задержал, когда я перелазил через лееру, чтобы шагнуть в море. Добрался до Якутска, а оттуда и до Конгаласского. На время войны у меня была броня. Вернулся на материк только в пятидесятом году, чтобы закончить институт.

Новогоднюю стенгазету Николай оформил в стихах. Он всеми средствами хотел обратить на себя внимание руководителей рудника открытых работ. Все-таки он дипломированный специалист. Пока это ему не удавалось. По-прежнему оставался рядовым рабочим.

В своем родном городе его давно уже звали работать в газете, но он все откладывал с ответом. А недавно написал письмо, в котором дал-таки согласие. И вот пришел ответ: его ждали на должность заведующего отделом писем.

Устроиться на работу в советское время всегда было быстрее, чем уволиться. Тут тебе вручают «бегунок» – обходной лист, в котором более десятка кабинетов. Все их нужно обойти и заручиться подписями. Бывает, что на одну-две подписи уходит целый день. А еще нужно упаковать вещи, взять на железной дороге контейнер, загрузить его, доставить на станцию.хлопот с переездом всегда много.

В суматохе совсем забыл о подшивке журнала. Уже не осталось времени, чтобы занести ее диспетчеру. Решил отправить бандеролью с нового места работы. Первое, что сделал по прибытию контейнера и его разгрузке, кинулся искать журнал. Все перерыл. Нигде не было ни «Рабоче-крестьянского корреспондента», ни подшивки журнала «Журналист». Жена делала невинные глаза. Николай понял, что это ее рук дело. Она, женщина с неоконченным начальным образованием, не понимала и не хотела понять стремление Николая к знаниям, тягу его к политике, к искусству. О подписках на газеты она говорила: «Это для начальства, чтобы оно хорошо думало».

Ну, что вот с ней делать? Хоть кол на голове теши! Николай трижды приводил ее в вечернюю школу, и каждый раз она находила способ от нее отвертеться. Впоследствии он наставлял своего сына от второго брака: «Никогда не женись на уборщице!»

Пришлось написать Демьяну Ивановичу покаянное письмо и извиниться за то, что не сохранил подшивку во время переезда. Диспетчер ему не ответил.

Работать в штате оказалось не так просто, как казалось. Под руководством заведующего отделом писем работала общественная приемная. Благодаря настоящему вниманию количество общественных корреспондентов достигло тридцати пяти человек. Каждый получал задание и потом отчитывался. Общими усилиями писали статью для газеты, так что в иные дни наряду с посетителями в кабинете весь рабочий день былолюдно. А свои материалы приходилось писать дома вечером и ночью.

Работа общественной приемной быстро стала приносить свои плоды. Районный центр со всеми торговыми точками, базаром, предприятиями пищевой промышленности был пол-

ностью взят под контроль. Райком партии и исполком районного совета сразу же обратили внимание на работу Николая, который со своими пенсионерами из общественной приемной «заткнул за пояс» официальный орган – штаб народного контроля. При первой же возможности Николаю дали квартиру в доме целинного типа – двухуровневую.

Он с головой ушел в работу. Вечерами, если не брал рукописи на дом, штудировал учебники, решив поступить в вуз. Жена совершенно не понимала его образ жизни и постоянно скандалила, капала на нервы и позорила семью. Избегая дурной славы, Николай переехал в соседний район, и там ему дали квартиру. Скандалы не утихли. Тогда он по объявлению о вакансиях еще сменил три редакции. Наконец он понял: не нужен он такой жене, ей от него требуются только алименты. Пришлось развестись.

Женился он на журналистке двадцати восьми лет. Через год поступил в вуз на заочное отделение, через пять лет окончил отделение печати, радио и телевидения. А еще через три года стал редактором районной газеты. Дважды писал покаянные письма Демьяну Ивановичу, попутно рассказывая о своих перипетиях. Но ветеран так ему и не ответил. А кому нужны приятели, которые не держат своего слова?

Пути-дороги корреспондента

Первые шаги

История этой газеты такова. Когда в Кемеровской области в городе Киселевске стали закладывать шахту за шахтой, «Комсомольская правда» направила сюда группу спецкоров, которая была обязана не только давать материалы в свою газету, но и в порядке шефской помощи выпускать в городе многотиражную газету. Ей дали лозунговое название «В бой за уголь». Со временем газета трансформировалась в орган городского совета и городской парторганизации. Название оставили прежнее.

Когда я поступил на работу в редакцию этой газеты, а было это в 1961 году, в городе уже было двенадцать шахт и два разреза. Редактором тогда был Николай Константинович Агеев, выпускник Высшей партийной школы. В штате у него состояли три бывших редактора из разных городов, из них две женщины. Одна была ответственным секретарем, другая – заведующей отделом культуры и писем, а мужчина – заведующим промышленным отделом. Был еще корреспондент. Вакантным было место другого корреспондента, которое мне предстояло занять.

Был июль, заведующая отделом культуры и писем была в отпуске. Не знаю, по какой причине редактор издал приказ назначить меня именно на эту должность с месячным испытательным сроком. И определил задачу: найти и описать семью, в которой было бы несколько поколений. И через нее показать изменения в жизни людей в лучшую сторону. Надо оговориться, что шахтеры в то время очень хорошо зарабатывали и, естественно, были всем обеспечены.

Я вышел на улицы незнакомого города. Задание для меня звучало примерно так: «Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что». Настроение было самое отвратительное.

Я подумал, что не отступлю и, во что бы то ни стало, задание выполню. Переверну весь город, но найду такую семью! Решил действовать через домоуправления и спросил у одной женщины лет пятидесяти, выносившей бытовой мусор, где мне это заведение найти.

– А зачем Вам это? – живо поинтересовалась она. Я сказал, что первый день на работе в качестве заведующего отделом культуры и писем редакции и получил такое-то вот задание.

– Интересно! – сказала она. – Я что, уволена? – Ведь это я – заведующая отделом и сейчас в отпуске.

Ошеломленный таким известием, я не знал, что и подумать. В большом городе с многотысячным населением я встретил вдруг первого человека, и им оказалась работник редакции, на место которого я принят на работу!

Расспросив меня, кто я такой и узнав, что у меня нет ни дня опыта работы штатным газетчиком, женщина успокоилась и дала мне дельный совет.

– Вам не в домоуправление надо идти, а на шахту. Там есть парторг, совет ветеранов. Они знают своих людей и подскажут, к кому обратиться.

Так я в первый же день работы оказался в шахтоуправлении. И действительно, нашел там все, что задумал редактор. Меня познакомили с шахтером лет тридцати, и мы пошли к нему домой.

У него была бабушка 1861 года рождения – года отмены крепостного права. Отец – шахтер на пенсии. Сын его, с которым я пришел, работал на его месте, значит – династия. Жена сына – студентка пединститута. Двое детей – учащиеся школы. Мы застали их за спором о космонавтике. «От крепостного права до полетов в космос» – таков был лейтмотив моего первого материала в газету.

Редактор не ожидал от меня такой прыти и довольно потирал руки. Видать, не мне одному давал он задание раскрыть эту тему.

Неделю спустя получил я поручение от заведующего промышленным отделом дать репортаж из забоя передовой смены отдаленной шахты. Я – к парторгу. Он отправил меня к мастеру смены. А тот встретил меня удивленным возгласом:

– Вчера только был у меня корреспондент вашей газеты! Я ему все рассказал, а он записал. Не знаю, зачем приезжать повторно в одно и то же место.

Извинившись и сообщив, что об этом мне не сказали, я вышел на воздух. Меня брала досада. Неужели в редакции не знали, что вчера на этой шахте побывал корреспондент? Конечно, я могу приехать в редакцию с пустыми руками и рассказать редактору, как меня подставили. Но это означало бы, что я не способен найти выход из сложного положения. А где же моя корреспондентская находчивость, коль уж я выбрал такую профессию? И созрела решимость во что бы то ни стало самостоятельно найти материал для газеты.

Когда мимо меня проходили люди, я расспросил их, какие предприятия и организации находятся поблизости. Неподалеку оказался завод по ремонту автомобильных двигателей. Вскоре я уже беседовал с директором и парторгом предприятия. Они даже обрадовались моему приходу, так как считали, что газета незаслуженно обходит их завод вниманием, носящий звание «Коллектив коммунистического труда».

Выслушав их рассказы о внедрении новых технологий, о рационализаторах и изобретателях, о том, как изменилась психология людей. Обычно всегда не хватало инструментов, дефицитных деталей. И каждый что-либо хранил про запас в своем индивидуальном шкафчике. А когда стали бороться за звание коллектива коммунистического труда, то убрали замки с тумбочек, и не стало задержек из-за нехватки запчастей и инструментов.

Понимая, что мне в руки попадает богатейший материал, я мучительно думал, как преподнести его на страницах газеты. И пришел к выводу, что более убедительно будет, если обо всем расскажут сами члены коллектива. Директор и парторг внимали моему каждому слову, приняв меня за матерого газетчика. Вскоре по моей просьбе они, а также лучшие токарь, слесарь, сварщик и снабженец написали своей рукой все то, о чем они мне рассказали.

Рукописи я обработал. Получилась интересная целевая страница. Вышла она под рубрикой «В коллективах коммунистического труда». Объединял страницу заголовок «Конец суслиной психологии!». Это в том смысле, что до этого каждый специалист, как суслик, тащил сэкономленные материалы «в свою норку».

После этого случая редактор разделил обязанности между корреспондентами. Мне поручили освещать работу промышленных предприятий и двух разрезов, а также строительство жилья. А другому корреспонденту – работу шахт. Заведующий промышленным отделом занимался официальными материалами или брал наши темы. Недостатка в них не было.

Боевое крещение

Вот я и зачастил на разрезы, где уголь добывают открытым способом. А посмотреть там было на что. Горы отвальной породы наверху. Работа ковшевых экскаваторов далеко внизу. Туда по наклонной дороге спускаются многотонные МАЗы и КРАЗы, становясь под погрузку. Грохот трудового процесса разносится далеко окрест. Какой только техники я там не увидел!

Меня заинтересовал ритм добычи угля на разрезе. Выполнение месячного задания почему-то всегда было очень слабым в начале и резко возрастало к концу месяца. Каждый водитель самосвала имел задание в течение рабочего дня совершить определенное количество рейсов. И все бы хорошо, если бы все самосвалы выходили на линию ежедневно. Однако многие из них в первой половине месяца становились на ремонт.

Числа с шестнадцатого темп работы в карьере резко возрастал. Быстрее двигались экскаваторы, нагружая углем самосвалы. А обычно степенные многотонные автомобили как бешеные неслись по разбитым дорогам, только уголь разлетался из кузовов. Количество автомобилей на линии резко повышалось. Часто возникали аварийные ситуации, возрастал травматизм.

Доходило до смертельных случаев. Ремонтная мастерская почти пустовала. Слесари бездельничали.

Сначала я предположил, что такой ажиотаж происходит от высокой ответственности каждого члена коллектива за выполнение плана. Но постепенно мое мнение переменялось, особенно по отношению к водителям самосвалов.

– Многие из них хитрят, – говорил мне знакомый водитель, который ставил свой автомобиль на ремонт не так, как некоторые – когда захочется, а строго по графику техобслуживания. Нормальный, честный работяга!

– Когда объявляют повышенные расценки за рейсы сверх нормы, то их машины сразу становятся «исправными». С завгаром у них договоренность. Слесарей они подкупили. Начальство закрывает на это глаза: ему лишь бы план выполнить, а на все другое – наплевать.

В конторе угольного разреза на доске объявлений во второй половине месяца всякий раз появлялось объявление. В нем говорилось, что каждый рейс, выполненный водителем сверх нормы, оплачивается вдвойне. Хитрецы ждали этого объявления. Вот поэтому они и лихачили, не жалея техники.

Собрав сведения о простоях автомобилей «на ремонте» и количестве рейсов после него, о состоянии травматизма, особенно со смертельным исходом, об авариях на трассе, а также о динамике добычи и вывозе угля по дням месяца, я приступил к опросу водителей, регулировщиков, иными словами, простых работяг. Все они подтвердили, что я уловил суть, почему разрез ежемесячно лихорадит, и согласились подтвердить правдивость материала, который я опубликую. Вышел он под заголовком «График зовет к авариям».

Что тут началось!

Надо сказать, что начальники шахт и угольных разрезов чувствовали себя в городе неприкосновенными князьками. Реальная власть, а вернее – денежные ресурсы, были в их руках, а не у горкома партии и исполкома горсовета. К ним обращались с просьбой профинансировать какое-либо мероприятие, выделить нужному человеку жилье, фиктивно оформить кого-либо на работу. В их распоряжение были базы отдыха, отделы рабочего снабжения и многое другое. От них во многом зависело благополучие города, а также его руководства.

На другой день после выхода газеты проходил пленум горкома партии. Редактор был членом бюро и сидел в президиуме. Отгиски готовых страниц газеты мы носили ему для прочтения и на подпись. Он и читал их, сидя в президиуме. Думаю, больше для того, чтобы произвести впечатление на членов пленума. Вот, мол, какая у него ответственная работа: отлучиться нельзя!

Одну из полос поручили доставить мне. Я прокрался за кулисы сцены и подошел к редактору. Окинул взглядом наполненный людьми зал и трибуну. Надо же такое совпадение: за трибуной стоял начальник угольного разреза, который я подверг критике. Не стесняясь в выражениях, он ругал редактора и редакцию и требовал наказать меня и немедленно уволить с работы.

– Это клевета на весь трудовой коллектив», – гремел он на весь зал.

Честно говоря, я перепугался. Кто я, начинающий газетчик, по сравнению с опытным, авторитетным руководителем? Придя в редакцию, перечитал свой материал и готов был защищать каждое слово. Если позволят. Пришедший с пленума редактор сказал, что создана комиссия во главе с заведующим отделом пропаганды цп горкома партии и что она будет проверять достоверность материала.

– А у тебя подписи людей, с которыми ты беседовал, в блокноте есть? – спросил редактор.

– Нет. Я как-то не подумал об этом.

– Вот в этом твоя ошибка. Они могут сказать, что не давали согласия, чтобы их фамилии фигурировали в газете.

На другой день к редакции подъехал легковой автомобиль с открытым тентом. Меня пригласили в него, и мы поехали на разрез. «Вот так и в другое место увезут», – думал я грустно.

К моему удивлению, работник горкома партии повел комиссию не к начальнику в кабинет, а по тем местам, которые указаны в моем материале. Почти каждая фраза в газете, которую он не выпускал из рук, была подчеркнута красными чернилами. И стал беседовать с людьми, фамилии которых находил в газете. Беседу начинал с вопроса:

– Начальник разреза приглашал Вас к себе в кабинет?

Это вызывало сильное смущение. Люди опускали глаза и молчали. Когда ответ задерживался, следовала фраза:

– Так вызывал, или нет?

Оказалось, что с каждым из них начальник разреза уже лично побеседовал. Не трудно догадаться, о чем.

Проверяющий ставил в газете «птички». Комиссия пообщалась с экскаваторщиками, побывала и на ухабистой дороге, и в мастерских, и в плановом отделе, и в бухгалтерии.

Когда были расставлены все «птички», мы вошли в кабинет начальника разреза. Он было снова набросился на газету и лично на меня, но был остановлен заведующим отделом пропаганды горкома партии. Сообщив, что проверка закончена и что по ней будет составлена справка для первого секретаря горкома партии, он встал, и мы удалились.

Несколько дней я прожил в тревоге. Наконец, редактор пришел с заседания бюро горкома партии сияющим и с радостью сообщил, что начальнику разреза за клеветнические нападки на газету и игнорирование критики объявлен строгий выговор.

Тут только отлегло у меня от сердца. Кстати сказать, с тех пор я никогда не боялся критиковать, кого бы то ни было, если был уверен, что прав на сто процентов.

Первый фельетон Василия

– Вася! Мы не можем делать газету из одних стихотворений! Давай нам небольшие заметки, зарисовки, репортажи, очерки – все, что сумеешь. Не стесняйся, больше пиши о своих земляках! Ты работаешь в колхозе электромехаником? Значит, ты бываешь всюду, на всех участках. Так что тебе и карты в руки. Прояви военную смекалку: ведь ты недавно со службы, сержант в запасе?

Так говорил заведующий отделом писем редакции районной газеты Сергей Семенович Синегубов, принимая от селькора очередное стихотворение. Это был сухощавый, уже немолодой человек. Строгий костюм, красивые очки и пронизательный взгляд голубых глаз подчеркивали его интеллигентность, а веселая улыбка и простота обращения располагали к беседе и откровенности. Речь опытного газетчика скорее смутила юношу, чем ободрила.

– Я даже не предполагал, что газетные публикации так различаются по жанрам.

– А ты об этом пока не думай, – развеял сомнения журналист, – пиши, как Бог на душу положит. С жанрами мы позднее разберемся.

На молочнотоварной ферме в колхозе было два перспективных и равноценных коровника. Более опытные доярки по надоям молока вышли в передовые. О них и решил Василий написать свой первый материал.

Был март. С крыш падала капель. Среди осевшего снега местами блестели небольшие лужи. Косые лучи яркого солнца, отражаясь в них, отбрасывали зайчики на потолок красного уголка фермы, куда заглянул Василий. От этого в небольшом помещении было светло и уютно.

Переписал сводку по надоям молока. Прочел стенгазету. Осмотрел развешенные по стенам плакаты. А потом пошел в коровник.

Там шла обычная работа. Весна и сюда проникла. Солнечный свет, проходя через окна, в теплых испарениях казался лучами прожекторов. Настроение юноши было прекрасное, будто и самого его солнышко освещало изнутри.

Доярки в белых халатах и косынках казались ему необыкновенно красивыми. Особо нравилась ему Мария Ивановна Юношева. Василий залюбовался ее работой. Движения женщины было несуетливы, обдуманно. Она была в расцвете сил, стройна не по годам и очень пластична. Казалось, что она не работает, а развлекается игрой в доярки. После доильного аппарата она неспеша додаивала коров вручную. И это у нее получалось красиво. Каждую корову она называла по имени, гладила и разговаривала с ней. Дойку она закончила позднее всех. Но и молока сдала учетчице больше других.

Опубликовали его письмо без поправок и определили ему жанр – репортаж. Начинающий автор был этим очень доволен. Но доярки другого коровника буквально набросились на него. Это были молодые задорные девчата, певуньи и плясуньи. С ними Василий дружил, ходил в кино и на танцы. Среди них была и его двоюродная сестра Надежда.

Около Василия собрался весь комсомольско-молодежный коллектив коровника.

– Разве мы хуже работаем? – наседали девушки. – Там коровы раньше отелились.

– Теперь посмотри новую сводку: мы уже обогнали их, больше надаиваем молока! – говорила Надя.

– А Марья Ивановна – никакой и не передовик! – сказала острая на язык красавица Лида. – Петр Семенович, бригадир, к ней равнодушен. Он, наверно, и приписывает ей надои.

– А скотник Михаил лучшие корма подкладывает ее коровам, – добавила Наташа.

Василий не знал, что и подумать. Марию Ивановну, казалось, все уважали. Если собрание – она всегда в президиуме. Да и опыта ей не занимать. Она доила коров уже тогда, когда комсомолки в школу бегали.

Обескураженного автора выручил скотник Филимон.

– Пойдем, Василий, покурим.

В тамбуре коровника он сказал, приглушив голос:

– Я точно знаю, что бригадир ей надои не приписывает и Михаил лучшие корма не подкладывает. Здесь дело в другом. Но доказать это трудно. И доярки, и скотники знают, что коровы у нее не самые лучшие. Все мы считаем, что она воды добавляет в молоко. Но как она это делает, непонятно. Разоблачить ее никак не удастся. Побеседуй с моим свояком, Михаилом. Я вечерком к нему зайду, побеседую, чтобы он тебе доверял.

Скотника Михаила селькор хорошо знал. Огромного роста, в высоких резиновых сапогах, в шапке набекрень, с обнаженной волосатой грудью, он мог служить натурщиком для портрета сельского рубахи-парня. Василия он встретил широкой улыбкой и, закулив сигарету, признался, что давно подозревает Марию Ивановну в жульничестве. Но как это доказать?

Решили вместе вывести доярку на чистую воду. Уговорили присоединиться к ним учетчицу, жену Филимона. Она охотно согласилась.

Заговорщики установили за женщиной негласное наблюдение. Но ее поведение было безукоризненным. Надоенное молоко она, как все, сдавала через молокомер. Все действия доярки были на виду и не вызывали подозрения.

С дойки передовая доярка ушла как всегда, позже всех, аккуратно развесив и расставив по своим местам молочную посуду. Как только Мария Ивановна, переодевшаяся в шикарное пальто, покинула помещение, друзья внимательно осмотрели ее рабочее место. Придаться было не к чему. Вся молочная посуда чисто вымыта и поставлена вверх дном, чтобы и капли воды в ней не осталось. Не привлекло внимания и то, что в подвешенном на крюк ведерке оказалось литра два чистой воды. Водой запасались и другие доярки. Перед началом дойки они разбавляли ее кипятком и уже теплой подмывали вымя коров. Так они экономили время.

За неделю наблюдатели не продвинулись ни на шаг. И вдруг Василий, заступивший на негласное дежурство, заметил: Мария Ивановна работу начала не с похода за горячей водой, а с набора холодной. Видимо, забыла запастись? Когда доярки разошлись, заглянули в знакомое ведро. В нем – вода. Но и в следующий раз доярка начала работу с набора холодной воды. В чем же дело? Куда девается заранее набранная вода?

И вдруг наблюдателей осенило: доярка выливает запасенную воду в поддойник! А потом доит в него коров. В бидон, куда она сдает молоко, входит двадцать литров, так что два литра воды заметить в большой массе невозможно. А до того, сколько раз женщина набирает воду для подмывания вымени, никому нет дела. Не оттуда ли самые высокие надои?

Договорились устроить засаду. Михаил спрятался в укромном месте, откуда отлично видел Марию Ивановну. Догадка заговорщиков подтвердилась. Доярка незаметно, даже не нагнувшись, вылила воду из ведра в поддойник.

Осталось уличить обманщицу с поличным. Обсуждали разные варианты.

– Надо что-то в воду положить, – предложила учетчица. – И когда она будет сливать молоко в молокомер, это останется на марле.

Стали обсуждать, что подложить в ведро. Пробку или щепку – нельзя, они будут плавать, и доярка их увидит. Гайку? Она стукнет о металл ведра и поддойника. Как же сделать так, чтобы доярка ни о чем не догадалась? Дома провели несколько опытов. И решение было найдено.

Наконец, изложили свои догадки председателю группы народного контроля Сергею Евсюкову. Он отнесся к заявлению очень серьезно. Чтобы обвинить в жульничестве орденосца, члена бюро райкома партии и лучшую доярку колхоза, нужны были не только неопровержимые доказательства, но и определенное мужество.

Но троица не сомневалась в своей правоте и настаивала на организации публичной проверки.

Евсюков пришел к началу дойки в сопровождении депутата районного совета Виктора Гришина. Они расположились рядом с учетчицей. Михаил и Василий тоже были неподалеку.

И вот настал решительный момент. С последними струйками молока на марлевый фильтр молокомера из подойника Марии Ивановны упал какой-то белый предмет.

– Что это у тебя из подойника выпало? – спросил Евсюков.

– Не знаю. Откуда что взялось...

– Зато мы знаем! – сказал Михаил, быстро взял и подал контролеру перетянутый нитками сверток из полиэтиленовой пленки. – Разверните его и прочтите.

Евсюков освободил сверток от ниток. Внутри оказалась увесистая гайка, обернутая в белую бумагу, на которой было написано: «Мы, скотник Михаил, учетчица Зинаида и электромеханик Василий опустили эту гайку с запиской в ведро доярки Юношевой, подозревая, что она выльет находящиеся там 2 литра воды в подойник».

– Что скажешь на это? – спросил депутат.

– Это мне подстроили! Я ничего не знаю! – громко закричала Мария Ивановна. Она побледнела, губы ее тряслись, взгляд лихорадочно бегал от одного участника к другому. Доярки коровника прислушивались к разговору и многозначительно переглядывались.

– Сейчас мы в твоём присутствии составим акт проверки работы доярок коровника, в котором укажем, что ты, Мария Ивановна, постоянно подливаешь воду в молоко. И сегодняшний случай этому подтверждение.

– Я буду жаловаться! Сейчас же позвоню первому секретарю райкома партии, он найдет на вас управу. Как вы смеете обвинять меня, члена бюро райкома партии, орденосца, депутата областной парторганизации! Это вам так не пройдет. А ты, корреспондент, если напишешь в газету, горько об этом пожалеешь! И с работы полетишь, и из комсомола исключим.

Весть об изобличении доярки с ликованием встретили все животноводы.

– А теперь, Васенька, пиши опровержение к своему материалу, который ты напечатал в газете! – смеялись молодые доярки. – Или струсил? Марья-то вон как тебе пригрозила!

Василий не струсил.

– А теперь ты написал фельетон! – воскликнул Сергей Семенович, прочтя рукопись селькора. – Так постепенно и другие жанры газеты освоишь.

Марию Ивановну из доярок перевели на должность заведующей продуктовым складом без всякого наказания. А Василию предложили стать штатным сотрудником редакции. Но он отказался. «Сейчас я пишу тогда, когда мне захочется, а в редакции придется писать постоянно, настроен ты на это или нет», – оправдывался он.

Но дело было в другом. Ему не давала покоя мысль о том, что пропадает диплом техника разведочного бурения. Для того, чтобы его получить, было потрачено четыре года упорной учебы. Тогда он был плохо одет, плохо питался. Но все преодолел и получил неплохую специальность. Он уволился из колхоза и отправился работать буровиком.

По Казахстану

Была ранняя весна. Работа на открытом воздухе в зимние морозы, доходившие до 50 градусов, ослабили мой организм, и я чувствовал себя неважно. С трудом отработывал смену. Потерял аппетит. И однажды решил: «Поеду на новое месторождение!» Работа буровому мастеру всегда найдется. Уволился и отправился в путь, в Тарбагатайский район Казахстана, в село Кызылкисек.

В Усть-Каменогорск добирался на самолете местной авиалинии. С высоты полета впервые увидел Бухтарминскую гидроэлектростанцию. Отлично была видна высокая плотина, которая подпирала огромное водохранилище. Картина напомнила детские игры, когда перегораживал ручьи. «Это то же самое, но увеличенное в тысячи раз!», – подумалось мне.

А дальше предстояло ехать автотранспортом. Небольшой автобус УАЗ уже ждал пассажиров. Водитель, казах средних лет, перехватил меня у кассы и предложил:

– Ты билет не покупай, отдай деньги мне. Посажу тебя на место кондуктора. С контролером я договорюсь.

В зале ожидания появился симпатичный русский парень. Мы оказались попутчиками. Он недавно отслужил в армии. Значит, будет с кем поговорить. Но вышла ошибка. Юноша не ориентировался ни в литературе, ни в политике, ни в спорте. Он только повторял:

– Вот брат у меня – во всем разбирается. Сам увидишь.

Из вещей у меня был рюкзак и ружье в самодельном чехле. Виктор, так звали парня, заинтересовался им. Я рассказал о своей одностволке, частично о своей службе на Дальнем Востоке, где и приобрел ружье. И решил повеселить человека.

– Спускаюсь я однажды на лодке по течению, шестом дно меряю. Изучаю фарватер речки, на которой стоит наша воинская часть. У берега незнакомый солдатик плещется. Понырлял он еще немножко, а потом спросил: «Ну, как, вода холодная?» Он – в воде, я – в лодке! Сразу поправился: «Ну, как, клюет?» Понимаешь, он ждал вопроса, а я молчал, и тот сам сорвался у него с языка!

Парень слушал, открыв рот. Посмеялись. Я вышел в открытые двери, ведущие к летному полю, чтобы покурить на свежем воздухе. Мимо прошла девушка метеоролог. Видимо я засиделся на буровых вышках, отстал от жизни. Поэтому долго был под впечатлением, которые произвели на меня стройные ноги в легких резиновых сапожках на крепких икрах, рельефные груди и тонкая талия. А больше всего – беспечное, веселое выражение голубых глаз на симпатичном лице.

Только от того, что она прошла мимо, захотелось жить, творить, совершать подвиги. Даже явилась мысль остаться в этом Усть-Каменогорске и познакомиться с девушкой. Но я понимал, что никто меня не ждет и даже не подозревает о моем существовании. Так что нужно идти своим путем и не отвлекаться. Метеоролог проследовала к приборам, а я вернулся в зал ожидания.

Виктора застал в кругу людей, которым он говорил:

– Я стою в лодке, а он в воде и он меня спрашивает: «Ну как, вода холодная?»

При виде меня он смутился. А я понял, что у юноши за душой нет даже плохонького анекдота. А еще и со скромностью проблемы.

Сидение контролера было удобным, позволяло обозревать и окрестности, и пассажиров в салоне. Возбуждение от любования девушкой перешло в стойкое хорошее настроение. Ехали в основном безлюдной степью, желтой от пожухлых прошлогодних трав. В низинках еще лежал снег. Через какие-то промежутки у обочины дороги попадались каменные бабы. Это, видимо, были те самые места, о которых писал Абай Кунанбаев.

– Вы Абая Кунанбаева знаете, читали его книги? – обратился я к казахам. Они переглянулись и покачали головой: «Не знают».

– А Джамбула Джабаева?

– Этого знаем. Он акын, песни сочинял.

Приехали в казахское село, в центре которого располагались клуб, столовая и магазин. Пошли в столовую. Она была закрыта: выходной – воскресенье. У клуба афиша кино: «Доживем до понедельника». Это совпадение развеселило меня, хотя от голода было не до смеха. Купили хлеба и ели его всухомятку. К вечеру должны были добраться до другого казахского села и там заночевать.

Подъехали к неширокой речке в пологих берегах, русло которой от берега до берега устилала обкатанная разноцветная галька. Водитель сходу начал ее форсировать. Автобус двигался уверенно, вот уже достиг середины, где поток был самым быстрым. И в этот момент мотор почему-то чихнул и заглох. В салоне заохали и заахали, ругаться стали кто по-русски, кто по-казахски. Водитель говорит:

– А что я сделаю? Заводится только рукояткой. Будем ждать, может быть транспорт какой появится, перетащит нас.

На мне были резиновые сапоги. Я осторожно опустил одну ногу в воду и нащупал каменистое дно. До края голенища вода не доходила. Тогда я взял «кривой стартер» и, держась за капот, чтобы течение не сбило, отправился к радиатору. Начал крутить мотор рукояткой, а он и не думал заводиться. Сделал с десяток попыток, из сил выбился, а толку никакого. Уже и ноги стали мерзнуть – вода в речке была ледяная.

– На, возьми. – Из автобуса подали кусок хлеба с салом. Опять развеселили! Стал жевать бутерброд, внутренне улыбаясь. «Да, прямо сейчас богатырская сила ко мне явится!» Покончив с едой, снова взялся за рукоятку, крутанул и – о, чудо! – мотор заработал!

В следующее поселение въехали уже затемно. Меня, Виктора и еще несколько человек разместили в казахской избе. Утром пили чай за круглым столом. К хлебу хозяева подали тарелку с чем-то кашеобразным. Каждый брал на кончик ложки, откусывал хлеб и запивал чаем. Я решил, что это – пюре из некачественной картошки. Долго не хотел его пробовать, а когда решился, то зачерпнул пол ложки. Оказалось, что это – гусиное сало! Я и виду не подал, что оплошал с порцией. Виктор потом подкалывал:

– Но ты даешь! Сало – ложками ешь!

Погрузились в автобус, поехали. Конечная остановка – пристань на Иртыше. На другой берег нас перевез маленький речной паром. Там уже ждала грузовая машина. Все мигом забрались в кузов. Не поместилась только женщина с большими узлами багажа. Она возвращалась домой к маме после развода с мужем. Не стал теснить людей и я. Не оставлять же одинокую женщину на пустом берегу!

Женщина явно перепугалась.

– А ночь застанет, а волки нападут?!

Но скучать не пришлось. Мимо проходил трактор с прицепом. В райцентре я стал спрашивать про гостиницу.

– Не надо гостиницу. Я приглашаю к себе, – подошел ко мне казах лет сорока.

Мне рассказывали о казахском гостеприимстве, но все же я был удивлен, когда узнал, что человек специально задержался, чтобы пригласить меня в гости.

– Ты так старался для людей, – объяснил он. – Просто стыдно оставить тебя без внимания.

Утром вместо того, чтобы продолжить путешествие, мы с Кульбмамбетовым пошли на речку поохотиться. У казаха оказалось ружье «Белка» с нарезным стволом.

– Досталось по знакомству. А выходить на охоту с ним боюсь: разрешения нет. Да мне и не дадут, я не охотник. Давай с тобой обменяемся: ты мне оставишь свою одностволку, а я тебе отдам «Белку».

Я не был готов к такому разговору. Решил сначала сходить к геологам, а потом поговорить о размене.

До аула, рядом с которым работали геологи и буровики, регулярный транспорт не ходил, и я отправился пешком. Но не прошел и километра, как меня нагнала двуколка. Красивым молодым жеребцом управлял солидного вида казах лет пятидесяти, одетый в строгий городской костюм с галстуком. Нам было по пути, и казах пригласил меня в повозку. Он подробно расспросил меня о моих намерениях, при этом сам не сказал о себе ни слова. А я и не настаивал. Такая черта характера – не называть себя – присуща всем казахам руководящего состава.

Лошадь шла ровной крупной рысью. Мы спокойно беседовали, любуясь бескрайней степью.

– Ты охотник? У нас здесь дрофы было много. Очень хитрая птица: за километр охотника слышит. А вот здесь могут быть утки. Пойди-ка, посмотри, может, повезет.

Дорога в этом месте проходила рядом с небольшой речушкой, проложившей себе очень глубокое русло в высоких глинистых берегах. Правый берег, что у дороги, был обрывистый, а противоположный – отлогий, поросший редкими молодыми тополями. Я подполз к обрыву. Далеко внизу с воды снялась утка и, набирая высоту, уходила вправо. Стрелять приходилось вниз и в сторону, это так непривычно, но все решали доли секунды. Что самое удивительное – попал! Утка упала на сухое место. Кое-как спустился вниз с кручи. Вернулся с матерым селезнем.

– Хорошо стреляешь, – похвалил казах.

– Это – не я, это – ружье. Попал совершенно случайно.

В ауле, прощаясь, я предложил:

– Это вам за проезд. Рассчитываюсь утками!

Казах не сопротивлялся. Довольный этим, я отправился разыскивать попутчика, у которого брат был управляющим в этом отделении совхоза.

– Где живет управляющий отделением? – спрашивал я у прохожих.

– Десятник? Вот там живет, – отвечали встречные казахи.

Вскоре я уже здоровался с Виктором и его братом Евгением. Это был крупный, очень подвижный человек лет тридцати. В его манере говорить, в походке, в выражении лица чувствовались властность, самоуверенность, бахвальство, самолюбование.

– Ты не смотри, что мы в такой глуши живем! Зато у нас все есть! Здесь все мое, я здесь царь и бог! Пусть только кто-нибудь пойдет против – в порошок сотру!

Виктор, который всю дорогу ловил каждое мое слово, теперь постоянно куда-то отлучался, с ним невозможно было заговорить. Хотелось узнать, замолвил ли он за меня словечко. А Евгений быстро определился:

– К вечеру у нас тут будет банкет. Придут и приедут мои друзья. Тебя я не приглашаю. Нам чужие не нужны. А на квартиру я тебя устрою. Спроси Улдан, она говорит по-русски. Скажи, что от меня.

Мне захотелось задать вопрос о русском гостеприимстве. Но я решил, что этим только унижу себя, молча собрался и ушел. Настроение было испорчено.

А время уже перевалило за полдень. Я быстро разыскал Улдан и объяснил ей, что нужно остановиться на ночлег, а утром я уйду к геологам. Тут я по-настоящему удивился: Улдан говорила по-русски с чудовищным акцентом, с трудом подбирая слова. Я впервые осознал, что русский язык для казахов – не родной.

Вышел старик, дедушка Шамшубай. Я учтиво поздоровался с ним, спросил, как его здоровье, сколько ему лет. Он ничего не ответил, только что-то спросил у внучки.

– Дедушка плохо понимает по-русски.

И она перевела ему все, что я спросил. Потом сама ответила, что старику семьдесят лет и что он болеет. Оставив меня наедине со стариком, хозяйка куда-то ушла. Вернулась с чайником и хлебом на деревянном подносе.

– Выпейте у нас чаю. Столовой в ауле нет. А на ночь мы вас оставить не сможем. Я – вдова, разговоры разные пойдут. Вы только не обижайтесь. Пойдите к немцам, они живут вдвоем, мать с сыном. Они вас пустят.

Не ожидал я, что окажусь в таком глупом положении. К дому, в котором жили немцы, я подошел уже в сумерках. Узнав в чем дело, встретивший меня у калитки рослый белокурый юноша провел в дом.

– Мама, – сказал он, – Сергею негде переночевать. Пустим его на ночлег?

– Боже мой, конечно! Располагайтесь. Вот вам домашние тапочки. Умойтесь с дороги, вот полотенце. У нас есть кровать свободная. Там вас и устроим.

Было слышно, как где-то заработал дизель-генератор. В комнате загорелись электрические лампочки. Я стал расспрашивать, как живет немцам среди казахов, как они сюда попали.

– Нас переселили с Поволжья. Мальчик мой был совсем маленьким, а теперь вот – жених! Люди здесь хорошие, добрые, отзывчивые. Вот только Десятник – настоящий изверг. Весь аул держит в страхе. Делает, что хочет. Людей обижает. Справедливости от него не дождешься. И пожаловаться некому – в районе все у него друзья да собутыльники. Участковый милиционер ему друг.

– А почему его зовут «десятник»? Обычно руководителя называют управляющим...

– Это фамилия такая – Десятник.

– Ну, и как конкретно он людей обижает?

– Наряды закрывает так, как ему захочется. Если кого невзлюбит – посылает на самые трудные работы, а начисляет копейки. Чтобы поехать на курсы шоферов или трактористов – у него нужно заслужить: в гости пригласить, стол накрыть, да не раз. Были случаи, что избивал людей. И все ему сходит с рук.

Утром я отправился по направлению к буровой вышке. Теперь уже знал, что никакого крупного месторождения в этих местах не открыли и никто никакую технику в эти края не гонит. В конце села встретил знакомого казаха, с которым ехал на дрожках.

– Как ночевал, Сергей? – спросил он. – Зайди в дом, покушай сурпу, из твоего селезня сварили. Птицу уже съели, а сурпа еще есть.

Женщина поставила передо мной миску с супом и хлебницу. Оказалось, что «сурпа» – это густой суп с пшеном. И очень вкусный.

Попрощавшись, вышел за околицу. Навстречу мне человек в комбинезоне. Им оказался буровой рабочий Иван Проскурин. Отстояв суточную смену, он возвращался к себе в деревню на отдых. Присели, закурили.

– Никакой перспективы у этой буровой бригады нет. Вышку скоро будут демонтировать. На этом разведка заканчивается. Так что скоро я останусь без работы. Поворачивай обратно, будешь мне попутчиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.